
Ученый как профессия: в поисках самоопределения*

© 2019 г. Т.Д. Соколова

Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

E-mail: sokolovatd@gmail.com

Поступила 14.05.2019

В настоящей статье, отталкиваясь от предложенного Максом Вебером определения ученого, автор исторически рассматривает трансформации понятия «ученый» в философии и истории науки. В контексте развития и усложнения науки в качестве социального института определенного типа, автор пытается проследить формирование требований к ученому в процессе профессионализации научного познания. Основная задача статьи — показать, как с развитием науки возрастает количество требований к ученому, входящих в его профессиональные компетенции. Если на начальном этапе профессионализации науки основным требованием к ученому является добросовестный научный поиск, то с развитием профессии к этому добавляются уже не столько «научные» компетенции (к которым с натяжкой можно отнести и преподавание), но и более широкий спектр социально-коммуникационных навыков (популяризация знаний, общение с государственными учреждениями, спонсирующими фондами и т.д.)

Ключевые слова: ученый, наука как профессия, Макс Вебер, Уильям Хьюэлл, Альфонс Декандоль.

DOI: 10.31857/S004287440006028-5

Цитирование: *Соколова Т.Д.* Ученый как профессия: в поисках самоопределения // Вопросы философии. 2019. № 8. С. 24–28.

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-311-00282 «Рациональность в гуманитарных науках: теоретические противоречия и дисциплинарная практика» и РФФИ, проект № 17-29-09178 «Анализ языка и междисциплинарность».

Science as a Profession: In Search of Self-Determination*

© 2019 г. Tatiana D. Sokolova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.

E-mail: sokolovatd@gmail.com

Received 14.05.2019

In the article, based on Max Weber's definition of a scientist, we historically follow the transformations of the concept "scientist" in the philosophy and history of science. In the context of the development and complication of science as a social institution of a certain type, we will try to trace the formation of the requirements for a scientist in the professionalization of scientific knowledge. The main objective of the article is to show how with the development of science, the number of requirements for a scientist within his professional competencies increases. If at the initial stage of the professionalization of science, the basic requirement for a scientist is a conscientious scientific search, then with the development of the profession, not so much "scientific" competencies were added (which can be attributed with teaching), but also a wider range of social and communication skills (popularization of knowledge, communication with government agencies, sponsoring funds, etc.)

Key words: scientist, science as a profession, Max Weber, William Whewell, Alphonse de Candolle.

DOI: 10.31857/S004287440006028-5

Citation: Sokolova, Tatiana D. (2019) "Science as a Profession: In Search of Self-Determination", *Voprosy Filosofii*, Vol. 8 (2019), pp. 24–28.

В докладе, известном в русском переводе как «Наука как призвание и профессия», Макс Вебер попытался сформулировать те требования, которые выдвигает к человеку, решившему посвятить себя научной деятельности, современное ему положение дел в академическом сообществе. Хотя доклад и призван был вдохновить молодых исследователей, делающих свои первые шаги в научной карьере, на выдающиеся свершения, то есть, по сути, служить мотивационной речью, его основное содержание сводится скорее к предостережению от подводных камней, связанных с наукой как профессиональной деятельностью. В центре данного доклада — два аспекта: личностные психологические особенности, необходимые исследователю для научных занятий и институциональная среда, в которой эти особенности должны найти свое практическое применение. Мы обратимся к процессу профессионализации научного познания и становлению науки как профессии, однако пойдём не вперёд, к XXI в. и нынешнему ее состоянию, а назад, к тем предпосылкам, которые и привели Макса Вебера к пониманию науки как профессии.

Макс Вебер сравнивает две академические системы — немецкую и американскую, анализируя плюсы и минусы этих систем, из которых ни одна не представляется ему полностью удовлетворительной. Институциональное устройство науки здесь выступает в качестве той объективной реальности, которую человек, обладающий призванием к научным исследованиям, должен с необходимостью встраиваться, если хочет

* The study was prepared under the support of the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 17-29-09178 Language Analysis and Interdisciplinarity.

продолжать (да и просто начать) свои научные изыскания. При этом, несмотря на то, что Вебер не пытается вывести более или менее общее определение ученого, он в сравнительно небольшом по объему докладе ухватывает те тенденции самоопределения ученых, которые формировались на протяжении XIX в. и уже в XX в. достигли своего окончательного развития. Важно выделить два аспекта этого процесса: наука перестает быть делом энтузиастов-одиночек и становится коллективным предприятием, участники которого не только занимаются научными изысканиями, но и встроены в формальные академические структуры; занятия наукой требуют узкой специализации в рамках данной структуры — поле научных интересов исследователя жестко ограничивается не только рамками отдельной дисциплины, но и определенными темами и проблемами внутри этой дисциплины. Оба эти процесса способствуют тому, что «научная работа встраивается в ход прогресса» [Weber 1989, 12], а научный прогресс становится «наиболее важной частью процесса интеллектуализации» [Weber 1989, 13], которая, в свою очередь, выражается в убеждении в потенциальной познаваемости рациональными средствами всего мира и происходящих в нем процессов, то есть, в отказе от мистического или мифологического мышления. Причем распространение научного типа мышления не ограничивается только сообществом профессиональных ученых, оно затрагивает все общество в целом.

Процесс профессионализации научного знания совпадает с процессом индустриализации в обществе. В данном случае, наука как социальный институт находится в общем течении развития других социальных институтов. И если в первой половине XIX в., по крайней мере, в английском языке, слова «наука» и «философия» используются в качестве синонимов [Ross 1962, 69], уже начинает осознаваться необходимость в большей дифференциации. Потому Уильям Хьюэлл, один из основателей философии науки как самостоятельной дисциплины, предлагает создать «общий термин, с помощью которого все эти джентльмены могли бы описать себя с отсылкой к своим занятиям» [Whewell 1834, 59]. И хотя термин *scientist* прижился в английском языке только во второй половине XIX в., начало самоопределению и отделению естественнонаучных дисциплин от философии было положено, а вместе с ним и начало профессионализации деятельности ученого.

Случай с английским языком, хотя и может рассматриваться в качестве исторического курьеза, примечателен тем, что именно здесь возникает проблема самоопределения ученого: существует группа людей, посвятившая себя вполне специфическим занятиям, но в то же время, эти люди вынуждены пользоваться для само именования термином, закрепленным за более широкой категорией исследователей, род занятий которых существенно отличается от их деятельности. На этот случай обращает внимание Альфонс Декандоль в своем фундаментальном историческом труде о развитии европейской науки: «В немецком языке есть слово *Gelehrte*, смысл которого идентичен смыслу [французского] *savant*. Английский язык все еще слишком беден, и так как выражение *learned* считается неудобным в качестве субстантива, авторы иногда используют французское слово *savant* по правилам английского языка: *a great savant*. Нужно было найти слово для тех, кто исследует, делает открытия, изобретает, то есть, в более общем виде, *способствует прогрессу...*» [de Candolle 1783, 29]. То есть, профессия ученого отличается от, например, университетского преподавателя, не накопление и передача знаний, а прогресс знания. Профессиональный ученый — это прежде всего тот, кто производит новое знание, а новое знание, в свою очередь — символ прогресса. Об этой же тенденции говорит и Вебер, несколько пессимистично рассуждая о том, что для ученых быть превзойденными в своей работе — «не только судьба, но и общая цель» [Weber 1989, 12].

Следующая тенденция, которую отмечает Декандоль, заключается в специализации научного знания, его канализации по отдельным узким дисциплинам: «Люди, стремящиеся только лишь знать или уметь, могут бесконечно изменять свой круг чтения, обучаться чему угодно и рассуждать между собой *de omnire scribili et quibus damallis*. Те же, кто имеет благородное желание сделать открытие и опубликовать что-то новое, с необходимостью должны сконцентрировать свои усилия на одной науке,

а иногда и на одном — единственном разделе этой науки» [de Candolle 1783, 74]. У Вебера эта тенденция сохраняется, причем он указывает на все больший рост научной специализации, которая будет накладывать все больше и больше ограничений на научные интересы ученого, которому для занятий наукой потребуются культивировать в себе «узкоспециализированную страсть» [Weber 1989, 9].

То есть, в профессию ученого входит не просто производство нового знания, но нового знания конкретной области, то есть, специализация. Передача знаний (преподавание) как для Декандоля, так и для Вебера — в некотором смысле побочный продукт научной деятельности: не каждый ученый обязан быть хорошим преподавателем, а не каждый хороший преподаватель — быть при этом еще и ученым. В то же время, в цитируемой нами работе Декандоля, автор в качестве эмпирического материала для анализа берет статистику членства европейских академий наук (английской, французской, немецкой и российской). Принадлежность к формальной организации или структуре, таким образом, также становится критерием (пусть и не основным) для того, чтобы считаться профессиональным ученым.

В ответ на работу Альфонса Декандоля Френсис Гальтон, пытаясь выявить естественные условия формирования состоявшегося в своей профессии ученого, обращается к научному сообществу Великобритании, в котором выделяет группу из 300 человек, которых можно охарактеризовать в качестве ученых по выведенным им критериям: занятие официальных должностей в научных организациях и вклад в развитие научных исследований, подтвержденный научным сообществом. При этом Гальтон замечает, что столь большое количество ученых не должно удивлять читателя: помимо известных ученых, которых, действительно, единицы, существуют и неизвестные широкой публике и непубличные фигуры, которые также вносят вклад в развитие научных дисциплин. Поэтому известность и популярность, хотя некоторым образом и способствует продвижению научных исследований, не может в полной мере являться критерием отнесения того или иного исследователя к числу ученых [Galton 1874, 5–7].

Таким образом, к профессиональным задачам ученого относятся: способствование прогрессу знания; специализация на конкретной научной дисциплине; принадлежность к формальной научной структуре или организации, что является доказательством одобрения деятельности ученого научным сообществом, а также подчеркивает коллективный характер научной деятельности. Однако если теоретики профессионального становления ученого XIX в. относили такие компетенции как преподавание, «способствование развитию научной культуры», общественную известность и участие в актуальной политической повестке, связанной с организацией научного процесса, как желательные и почетные, но вовсе необязательные для того, чтобы называться ученым, то в начале XX в. Макс Вебер рассматривает их уже в качестве таких явлений, с которыми любой человек, намеренный построить научную карьеру, с необходимостью должен иметь дело, а потому знать и понимать, как такие процессы устроены, как они функционируют, и отделять их от собственно научного поиска.

И.Т. Касавин, рассуждая о связи научного и политического, указывает на то, что «поисковое исследование, прикладные разработки и популяризация науки представляют собой звенья одной системы в рамках общественного бытия науки» [Касавин 2015, 12]. И действительно, распространение научного прогресса на общество в целом вызывает все больший интерес к научным дисциплинам со стороны широкой публики. И здесь имеет место любопытное противоречие: с одной стороны, процесс профессионализации и специализации ученого, т.е. тенденция развития науки, унаследованная нами от XIX в., продолжает играть свою основополагающую роль в становлении профессионального ученого. Однако количество компетенций, которыми должен обладать ученый, но которые сложно или вовсе невозможно отнести к непосредственно научным, только возрастает. К преподаванию своей дисциплины будущим профессиональным ученым и членам научного сообщества добавляется требование сообщать результаты своих исследований в популярной форме, доступной для понимания широкой публики. К этому добавляется требование взаимодействия с политическими институтами, государственными и негосударственными фондами,

финансирующими научные исследования [Вострикова, Куслий 2018], то есть, от ученого требуется быть уже не только ученым и преподавателем, а также популяризатором науки, но и политиком, и бизнесменом, и специалистом по связям с общественностью. Здесь можно возразить, что и эти тенденции современная наука унаследовала от XIX в. — периода создания альтернативных научных сообществ и политических дебатов, инициированных самими учеными, о роли научного развития для общества, а также роли государственной власти в этом развитии [Howarth 1931]. Однако если раньше большинство ученых могли позволить себе оставаться в стороне от этих дебатов, равно как и от непосредственных действий в данных областях, то возможно ли такое положение дел сегодня? И должны ли данные компетенции входить в определение профессионального ученого?

Primary Sources in English and in French

Candolle, Augustin De (1873) *Histoire des Sciences et des Savants depuis deux Siècles*, H. Georg, Genève.

Galton, Francis (1874) *English Men of Science: Their Nature and Nurture*, Macmillan & Co, London.

Howarth, Osbert G.R. (1931) *The British Association for the Advancement of Science: A Retrospect 1831–1921*, Association at its Office in Burlington House, Piccadilly, W. 1., London.

Ross, Sydney (1962) “Scientist: The Story of the Word”, *Annals of Science*, vol. 18, № 2, pp 65–85.

Weber, Max (1989) “Science as a Vocation”, *Max Weber’s ‘Science as a Vocation’*, ed. by P. Lassman, I. Velody, Unwin Hyman, London, pp. 3–32.

Whewell, William (1834) “Review on the Connexion of the Physical Sciences by Ms. Sommerville”, *Quarterly Review*, 51, pp. 54–66.

Ссылки – References in Russian

Вострикова, Куслий 2018 – *Вострикова Е.В., Куслий П.С.* Деньги на науку: Социально-экономические проблемы финансирования научного поиска // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. LV, № 1. С. 99–119.

Касавин 2015 – *Касавин И.Т.* Как возможна политическая философия науки? // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. XLV. № 3. С. 5–15.

References

Kasavin, Ilya T. (2015) “How is Political Philosophy of Science Possible” *Epistemology & Philosophy of Science*, XLV, 3, pp. 5–15 (in Russian).

Vostrikova, Ekaterina V., Kusliy, Petr S. (2018) “Money for Science: Social-Economical Problems of Funding Scientific Research”, *Epistemology & Philosophy of Science*, LV, 1, pp. 99–119 (In Russian).

Сведения об авторе

СОКОЛОВА Татьяна Дмитриевна – кандидат философских наук, научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН, Москва.

Author’s information

SOKOLOVA Tatiana D. – CSc in Philosophy, Research Fellow at the Department of Social Epistemology, Institute of Philosophy.